

ОТРАЖЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ \*uel- В АРМЯНСКОЙ  
МИФОЛОГИИ  
АРМЕН ПЕТРОСЯН

На основе сопоставления восточнославянских и балтийских, а также других индоевропейских фольклорных и мифологических текстов В. Ивановым и В. Топоровым реконструирована сюжетная схема основного индоевропейского мифа о поединке бога грозы: «а) Бог грозы находится наверху, в частности на горе, на небе (где вместе с ним находятся Солнце и Месяц), у вершины трехчастного мирового дерева, обращенного к четырем сторонам света; б) Змей находится внизу, у корней трехчастного мирового дерева, на черной шерсти; с) Змей похищает рогатый скот (и прячет его в пещере, за скалой): Бог грозы, разбивая скалу, освобождает скот (или людей); д) Змей последовательно прячется под разными видами живых существ или обращается в них (человека, коня, корову и др.); Змей прячется под деревом или под камнем; е) Бог грозы на коне или на колеснице своим оружием (молотом-молнией) ударяет по дереву, сжигая его, или по камню, раскалывая его; ф) После победы Бога грозы над Змеем появляется вода (идет дождь); Змей скрывается в земных водах»<sup>1</sup>.

По армянским народным верованиям молния-трость Егии (Илии) или архангела Гавриила или всех ангелов—убивает злых духов. Они, преследуемые ангелами, убегают и находят пристанище в горах и деревьях, но молния бьет по горам и деревьям и гонит их<sup>2</sup>. Согласно другим представлениям, черти дразнят бога, стоя рядом с людьми или животными, бог бьет их молнией, но им часто удается убежать, и страдают люди и животные<sup>3</sup>. Здесь, со значительными изменениями, но определенным образом сохранились близкие к реконструированной схеме представления, где роль и функции бога грозы взяли на себя бог, грозовые персонажи христианской мифологии—Илия, архангел Гавриил или вообще ангелы, а Змея—злые духи, черти. Такие же представления существуют и у других народов.

В индоевропейском мифе имя бога грозы кодируется корнем \*per-(слав. Перунъ, балт. Perkūnas имена бога грозы, др. инд. Parjanya—бог дожденосного облака, др. иссл. Fjörgyn—мать бога грозы Тора, хеттский бог Rīua—и т. д.). Имя противника бога грозы—Змея в разных традициях образуется корнем \*uel-. Трансформациями этого персонажа являются восточнославянские Велес/Волос—бог скота и богатства, балт. Vels—бог потустороннего мира и скота, Velnias—черт, злой дух, дракон Vala в древнеиндийской мифологии и т. д.<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> В. В. Иванов и В. Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей (далее—Исследования...), М., 1974, с. 5; см. также другие работы тех же авторов по этой теме. Об отражении этой схемы в армянском эпосе см.: С. Հարությունյան, Վրդապատերազմը «Սանն ծառում» (2002 թվ. «Լրբեր հանրահայտություններ», 1981, № 11, էջ 65—85)։

<sup>2</sup> Մ. Արեղյան, Երկր, հ. է, Երևան, 1975, էջ 73։

<sup>3</sup> Ա. Ղանիշյան, Աշխարհատեղի, Երևան, 1969, էջ 409։

<sup>4</sup> Исследования..., с. 6—75.

Следует заметить, что одним и тем же мифологическим именем часто обозначаются место, топографический объект на нем, соответствующий вегетативный, териоморфный или иной символ, атрибут божества, само божество, класс мифологических существ, связанная с божеством жизненная сила и т. п.<sup>5</sup> В мифологии с именами божеств разными ассоциациями часто связываются слова, имеющие одинаковое (омонимы) или близкое звучание.

В индоевропейских языках слова, образующиеся от корней \*uel- (и близко звучащего \*Huel-), часто принимают значения, так или иначе связанные с атрибутами и предикатами мифического Змея, в свою очередь связанного с царством смерти, водной стихией. Например, „закрывать, скрывать“ (арм. gał- „скрывать“, goł „вор“, ср. имя демона Vṛtra „преграда, затор“ в индийской мифологии), „потусторонний мир“, „бог потустороннего мира“ (ср. др. иссл. valhōll „место пребывания павших бойцов“, греч. ἑλισειῶνος πεδῖον „елисейские поля“, балт. Vels „бог потустороннего мира и скота“ и т. д.: древнеиндоевропейский потусторонний мир представлялся как пастбище, в котором пасутся души умерших<sup>6</sup>), ритуальная поэзия, жрец, поэт (ср. др. ирл. file „поэт“ < „жрец, гадатель“, Велесов внук—эпитет восточнославянского эпического поэта и певца Бояна, вельти „говорить особым образом“<sup>7</sup> и т. п., с которыми можно сравнить арм. geławp „песня“, gełgetal „петь трелью, заливаться“: поэт как посредник между этим и потусторонним миром „несет на себе печать иного царства“<sup>8</sup> и мифологический персонаж \*uel- является покровителем поэзии), волна, шерсть (\*Huel-, русск. волна, арм. gełmp „шерсть“ и т. д., ср. пункт b реконструированной схемы мифа). С корнем \*uel- могут быть связаны также арм. gałgałel „укрупнять“ и gełardn „большое копы“, где ardн „вид копы“. Для развития значений ср. арм. ałdaha „великан“ от имени дракона Ałl Dahaka иранской мифологии, ср. также русск. „великий“<sup>9</sup> и т. п. Есть слово giłahmayk „чародейство киданием камней?“, которое также могло быть соотнесено с персонажем \*uel-.

От корней \*uel- в индоевропейских языках происходят также и некоторые другие лексемы, в том числе волк (\*u|k- от „рвать, уби-

<sup>5</sup> В. Н. Топоров, Имена («Мифы народов мира» (далее Мифы...), т. 1, М., 1980, с. 508).

<sup>6</sup> J. Puhvel, „Meadow of the Otherworld“ in Indo-European tradition („Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“, Bd. 83, Göttingen, 1969.); Исследования... с. 72; Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, Индоевропейский язык и индоевропейцы, Тбилиси, 1984, с. 824.

<sup>7</sup> Р. Якобсон, Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии («Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. V, М., 1970, с. 608—619). Исследования..., с. 65; Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, указ. соч., с. 836.

<sup>8</sup> В. Н. Топоров, Мовуа: «Музы»: соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийского вклада) («Славянское и балканское языкознание (античная балканистика и сравнительная грамматика), М., 1977, с. 35). О последних двух армянских словах есть и другие мнения: է. Աղաջան, Բանասերական և աստվածաբանական հետազոտություններ, Երևան, 1974, էջ 52—54; Н. А. Мкртчян, Редупликация глаголов в хеттоком и армянском («Древний Восток», II, Ереван, 1976, с. 78—79).

<sup>9</sup> Эти слова связывает с русск. великий и т. п. С. Петросян: Մ. Պետրոսյան, Մեծերի և փոքրերի հարաբերակցությունը հայկական լեզվաշխարհում («Պատմա-բանասիրական հանդես» (далее—ԴԲՀ), 1976, № 1, էջ 187—198).

вать», ср. арм. *gayl*, возможны праформы \**u|o-*, \**ua|o-* или \**u|p-*) / и видеть, вид( ср. арм. *geġ* «красота», *gelec'ik* «прекрасный, красивый» < «видный»)¹⁰, связь которых с грозовым мифом будет рассмотрена ниже.

Согласно армянским верованиям, волки (в диалектах *gel*, *kel* и т. п.) не только звери, но и двуногие демоны с перевернутыми пятками (как и духи *k'a]-u*), которые рождаются во время дождя в солнечную погоду (как каджи и южнославянские вилы, ср. \**uel-*), и умирают от удара молнии (как каджи и драконы). *K'a]-* табуизированное название от *k'a]* «хороший» (их называют также «те, которые лучше нас»)¹¹.

Ясно, что исходное, нетабуизированное название этих персонажей происходило от \**uel-*¹². Согласно преданию, каджи происходят от сына и дочери Ноя, где имя дочери — *Astik*¹³ соответствует имени богини возлюбленной Вахагна (в реконструкции — бога громовержца¹⁴), что также показывает связь каджей с основным мифом.

В армянском языке есть много примеров, когда слова волк и злой дух, черт выступают как синонимы, ср. *gaylasunk=satani sunk* (волчий гриб=чертов гриб)¹⁵, *gaylahaz=satani k'ar* (волчий=чертов камень) и т. д. Многочисленные гидронимы от корня *gayl* (четыре реки *gayl*, озёра *gaylati* «данное волком»? «дающее волков»? ныне Балык-гёл и *gaylot*¹⁶ «изобилующее волками»? ныне Аут), несмотря на многочисленные иноязычные примеры топонимов от корня волк, также не должны рассматриваться вне связи с основным мифом¹⁷.

10 Հ. Աճառյան, Հայերեն արժանատիքի բառեր, հ. 1, Երևան, 1971, էջ 532—533.

11 Մ. Արեղյան, указ. соч., с. 86, 87, 92; Дождь в солнечную погоду называют также «свадьбой волков». О подобных представлениях у других народов («свадьба духов») см.: М. К у и s t, Regen bei Sonnenscheln. Zur Weltgeschichte einer Redensart („Folklore Fellows Communications“, №171, Helsinki, 1957); Э. Г. Азим-заде, Из славянской народной метеорологии („В кн. Balcano-balto-slavica“, М., 1979, с. 77—80).

12 Согласно другой легенде, во время дождя в солнечную погоду рождаются олени (*e|nik*), которые затем превращаются в драконов, что должно объясняться близким звучанием корней \**uel-*—«змея» \**e|n-*—«олень», ср. возможную анаграмматическую связь имени Ильи и Велеса/Волоса в слав. традиции: «Ազգաբաժանի հանդես», գիրք Ա, Երևան, 1895, էջ 351. Также объясняется связь оленя и змея в болгарском фольклоре (мать своим проклятием превращает сына в оленя, а далее он превращается в змею): Т. В. Цивьян, Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце («Балканский лингвистический сборник», М., 1976, с. 180).

13 Մ. Արեղյան, указ. соч., с. 85.

14 Մ. Արեղյան, Երկեր, հ. Ա, Երևան, 1966, էջ 75—93.

15 Ա. Սուրբաբյան, Հայոց լեզվի հոմանիշները բառեր, Երևան, 1967, էջ 136.

16 Կ. Օհանյան, Հայկական ՍՍՏ գետերի ու լճերը, Երևան, 1961, էջ 21.

17 О гидронимам от корня \**uel-* (\**Huel-*) и их связи с именем противника Громовержца см.: Исследования..., с. 177; В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян («Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев», М., 1976, с. 125—126); В. Н. Топоров, Vilnius, Vilno.

(возможная праформа \*u|ta, \*Hu|ta от \*Huel- „волна“, ср. балтийские гидронимы типа Villja и т. п., а также анатолийские Hulana-, Hulala-<sup>18</sup>).

В армянской мифологии с индоевропейским корнем \*uel-можно связать имена Angel, Tork' Angel (вариант—Angeleay), Aray gele-c'ik, englay и Gelam.

Angel в переводе Библии соответствует ассириовавилонскому богу потустороннего мира Нергалу<sup>19</sup>. Соответствующий греческий бог назывался „Αἰδώς „Aidōs (<\*n-uid<sup>20</sup>, где \*n—отрицательная частица а \*uld- „вид“, или \*sm-uid<sup>21</sup>, где sm-соответствует арм. префиксу ham-от \*sem- „один“, „вместе“, с разными возможными осмыслениями). Выше было сказано, что корнем \*uel-обозначался потусторонний мир, а омоимичный ему корень имел значение „видеть, вид“.

Можно предположить, что армянский и греческий теонимы связаны с одним и тем же прототипом, пли в греческом языке вследствие табуизации корня \*uel-он был заменен корнем \*uld-, который таким образом является „переводом“ предыдущего. Таким же образом, можно рассмотреть греч. δράκων „дракон“ (от δῆριον „смотреть“ \*derk' „вид, видеть“<sup>22</sup>). Корни \*uel- и \*ueld /uid-(ведать/ видеть) обнаруживают параллелизм значений также и в других словах, связанных с мифологией. Ср. \*u|k- „волк“, и \*ueld- „волк“ (хетт. \*uetna, др. иссл. vltmr „волк“, укр. вишун „человек, обратившийся в волка“<sup>23</sup> и т. п.), др. ирл. file „поэт“ < „жрец, гадатель“, вълхвъ „жрец“, др. русск. въдунъ, арм. gltun „знающий, предсказатель, ведун, колдун“<sup>24</sup>. В силу сказанного теоним Angel можно этимологизировать как \*sm-uel- или \*n-uel-.

Вильна: Город и миф («Балто-славянские языковые контакты», М., 1980, с. 57). В этой связи интересно, что одна из рек Гайл протекала около священного города Ериза (Эрзанджаи). Согласно легенде, от горы Вараг (один из вариантов имени громовержца Вахагаи, находится около города Ван) берет начало мифическая подземная река gayl (в диалектах—gel, Kel); Գ. Սրբի և Գայի, Երզն, հ. 1, Երևան, 1978, էջ 78. Легенды об этой реке см.: Ա. Ղափանի, указ. соч., с. 88. Согласно одной версии эпоса, Давид Сасунский (персонаж, соответствующий Громовержцу, см.: Ս. Հարություն, указ. соч.) после победы над Меликом купается в реке gil, где его хватают люди Мелнка; Ս. Արեղի, Հայ գրական բանասիրություն, էջ 353.

<sup>18</sup> Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, указ. соч., с. 861—862.

<sup>19</sup> Հ. Ահաբ, Հայոց անհայտների բանասիր, հ. Ա, Երևան, 1948, էջ 157.

<sup>20</sup> P. Thiele, Studien zur indogermanische Wortkunde und Religionsgeschichte, Berlin, 1952, S. 41—42.

<sup>21</sup> R. Schmitt, Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit, Wiesbaden, 1967, §86; P. Thiele, Hades („Indogermanische Dichtersprache“, Darmstadt, 1968, S. 133—153). Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, указ. соч., с. 365, 824.

<sup>22</sup> H. Frisk, Griechisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, Heidelberg, 1954, S. 144.

<sup>23</sup> См. В. В. Иванов, Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка («Известия АН СССР». Серия литературы и языка, 1975, т. 34, № 5, с. 399—408).

<sup>24</sup> Л. А. Сираджева, Древнейшие религиозные представления праармян и праславян (МЛ, 1985, № 2, с. 77).

Имя *Tork*-а с эпитетом *Angei* или *Angeleay* (Ангел-ский) связывают с именем азиатского бога грозы *Tarhu*<sup>25</sup>, соперника дракона. Одним из возможных осмыслений имени *Angei* (независимо от реваляной этимологии) может быть *an* (отрицательная частица) + *\*uei* „Змей“, „смерть“, ср. арм. *č'astuac* (не-бог)—название языческих богов у христианских авторов, лат. теоним *Veiovis*, возможная этимология которого—*ve* (отрицание)+ *Iovis* (Юпитер)<sup>26</sup>, а также „бессмертный“ как эпитет богов<sup>27</sup>. Хоренаци интерпретирует *Angei* как „некрасивый, безобразный“ (*gei* „красота“, < „вид“), что соответствует осмыслению греч. *ἄϊος*. Кстати, в азиатском мифе дракон похищает сердце и глаза бога грозы (одним из возможных осмыслений Ангеха, как и Аида, может быть „не видящий“, но также „не видимый“, „не имеющий вида“<sup>28</sup>). Армянский *Tork*, как и хеттский бог грозы (и некоторые другие боги новохеттского пантеона), мог быть исчезающим (уносящим плодородие) и возвращающимся богом<sup>29</sup>, вариант которых—умирающий и воскресающий бог, и таким образом мог быть связанным с царством смерти (арм. Ангех, как и греч. Аид мог означать также „потусторонний мир“).

*Tork* в сюжете мифа похож на одноглазого циклопа Полифема<sup>30</sup> (одноглазость—недостаток зрения, ср. возможное осмысление эпитета Торка „не видящий“). Согласно Адонцу, Торк был грифоподобным (ср. арм. *angl* „гриф“, греч. *γοργυς* „гриф“, авар. *ətarku* „гриф“), который был вестником богов (ср. греч. *ἄγγελος* „вестник“, перс. *āγγερос* „царский курьер“)<sup>31</sup>. В мифе у Торка жестокий, суровый взор<sup>32</sup>.

«Мифологический мотив смертоносного взгляда... подобно Горгоне «коршуновзорой»... ассоциируется с хищной птицей»<sup>33</sup>. Орел (кстати один из символов громовержца Зевса и священная птица хетт. бога Пирва) в мифологиях многих народов (в частности, хеттской) является

<sup>25</sup> N. A d o n t z, *Tarkou chez les anciens Armeniens* („Revue des etudes armeniennes“, t. VII, 1927, fasc. I, p. 185—194); Г. Капанян, Историко-лингвистические работы, т. I, Ереван, 1956, с. 273—274.

<sup>26</sup> Е. М. Штаерман, Вейовис («Мифы», т. I, с. 227).

<sup>27</sup> Иоанн Мамиконян (VII век) считает с. Каралета (один из наиболее явно выраженных грозных персонажей у армян-христиан) тон силой, которой страшится сама смерть: Գ. Բ զ զ ի ի ի, Հայ ազգային թղթի, Երևան, 1974, էջ 172.

<sup>28</sup> Об отражении категории видимого (невидимого в хеттском мифе о боге грозы см.: Исследования..., 126—132. О подобном осмыслении имени Аида см.: Т. В. Цивьян, Категория видимого/невидимого: балканские маргиналии («Balkanica. Лингвистические исследования», М., 1979, с. 201—207). См. также работы В. В. Иванова по этой теме.

<sup>29</sup> В. В. Иванов, Хеттская мифология («Мифы...», т. II, М., 1982, с. 591—592).

<sup>30</sup> Մ զ զ ի ի ի Կ զ զ ի ի ի, Հայ ազգային թղթի, Երևան, 1961, էջ 383.

<sup>31</sup> N. A d o n t z, указ. соч., с. 187.

<sup>32</sup> Մ զ զ ի ի ի Կ զ զ ի ի ի, указ. соч., с. 157.

<sup>33</sup> Исследования..., с. 128, там же—литература. Ср. также армянский миф о царя Ерванде, сыне быка (в реконструкции—грозового персонаж, как и родственник ему Санасар в эгесе), чей взгляд ломал камни.

посланцем богов<sup>34</sup>. Лысый орел (ср. плешивость грифа) в мифах индейцев Америки связывается с громом и молнией<sup>35</sup> (Гром-птица—универсальный образ индейской мифологии).

В армянской традиции о связи бога Ангеха и грифа с грозным мифом может свидетельствовать легенда о строительстве монастыря в деревне Angi (в Васпуракане). Ночью злые духи разрушают построенный днем христианский храм (на месте языческого). Строительство благополучно завершается благодаря вмешательству ангелов в образе грифов<sup>36</sup> или св. Георгия<sup>37</sup> (трансформация громовержца, драконоборца в христианской мифологии).

Согласно Г. Джаукяну, слово angī (вариант—ankī) происходит от и.-е. \*ang-, ank- „сгибать“<sup>38</sup> (имеется в виду форма клюва птицы). Таким образом, возможно случайное сходство и дальнейшее притяжение теонима Angei с апеллятивом angī.

Слово engiaу „мифический демон“ может быть трансформацией имени Angei (имена второстепенных мифологических персонажей часто связаны с именами главных богов) ср. также другое название южно-славянских вил—самовилы, или может быть образованием с частицей end (< \*ant-) „с. вместо с“ (ср. арм. әnker „товарищ“ от әnd+ker—корень слова „есть, кушать“).

Araу (или Ara) gelec'ik (Ара Прекрасный)—умирающий и воскресающий бог<sup>39</sup> древнеармянского пантеона. Он исключительно красив, как и подобные ему божества (Аттис, Адонис), но звучанием своего эпитета (gel < \*uel-) возвращает нас к мифологическому комплексу \*uel-<sup>40</sup>. Как умирающий воскресающий бог он несомненно связан с царством смерти (\*uel-). Кстати, умирающие и воскресающие боги иногда становятся богами подземного царства<sup>41</sup>. Ара Прекрасный—сын победителя титанов, в реконструкции—драконоборца Арама, и,

<sup>34</sup> В. В. Иванов, Орел («Мифы...», т. II, с. 260). Ср. также урарт. теоним Arsibedini, вероятно, от арм. arcui „орел“ и di(k') „бог“: Դ. Արսիբեդինի, Հայկա՝նի շիրիքը և արարածիկի զիջարանը (ԳԲՀ, 1986, №1, էջ 49).

<sup>35</sup> Исследования..., с. 155. Ср. упоминаемого Хоренаци лысого Арамазда (соответствует Зевсу) (Хоренаци, I, 35,);

<sup>36</sup> Ա. Ղափաճիկ, указ. соч., с. 247—248. Грифам противостоят злые духи в образе ворон (ср. противопоставление Лысый орел: Гагара в мифологии американских индейцев).

<sup>37</sup> Там же, с. 248.

<sup>38</sup> Г. Б. Джаукян, Сравнительная грамматика армянского языка, Ереван, 1982, с. 105.

<sup>39</sup> Ն. Ադունց, Հին Հայոց աշխարհահայացքը, պատմական և առարկայական հիմունքներ, Գորիզ, 1946; Ա. Մատիկյան, Արա Դեղեցիկ, Վիեննա, 1930; Դ. Ղափաճիկ, Արա Դեղեցիկի պատմությունը, Երևան, 1944.

<sup>40</sup> В греческой мифологии Елена (Ἑλένη ср. \*uel-) «Прекрасная—дочь громовержца Зевса. Парис (ср. \*per—) похищает ее и увозит в Трою—Илион, который соответствует Вилусе (uiluša ср. \*uel—) хеттских источников. Согласно одной версии мифа, Елена воскресает и становится женой Ахилла. Ср. сочетание Константин (младший сын громовержца, возрождающийся персонаж) и Елена в болгарском фольклоре: Т. В. Цивьян, Балканские дополнения..., с. 180.

<sup>41</sup> Ag в одном древнем плаче выступает как название ангела смерти (обычно hōgea՛ «берущий душу», а также душу умершего (в уменьш. форме aṭik). Песня, возможно, построена по принципу анаграммирования (во второй и третьей строке

таким образом, может входить в сюжет основного мифа „Громовержец и его семья“.<sup>42</sup>

Связь имени *Gełam* (один из мифических патриархов армян) с \**uel-*, как будет показано ниже, не вызывает сомнений.

Таким образом, можно предположить, что индоевропейский корень \**uel-*—определенным образом сохранился в армянской мифологии, которая известна с V в., и должен был быть шире представленным в более раннюю эпоху. Имена персонажей этого мифа выявляются также в топонимах. Например, в Литве зафиксировано более 400 топонимов от корня *Velnlas*<sup>43</sup> (главным образом болота—40%, поля, луга, реки и озера, ср. последний пункт реконструированного мифа). Если сохранилось имя \**uel-* в армянской мифологии, то можно предположить и его отражение в армянских топонимах.

На территории исторической Армении с мифологическим корнем \**uel-* можно связать:<sup>44</sup>

*Gel*—гора в *Gełam*—ских горах;

*Gel* или *Gel*—деревня в провинции *Urc* и *Agas* в области *Айра-рат*;

*Gełambak*—деревня в *Sodk*—е;

*Gełaxot*—деревня в провинции *Карин* Высокой Армении;

*Gełamay*—(род. падеж 'от *Gełam*)—общее название провинций *Sodk* и *gełak'unl*, Гехамских гор, озера Севан;

*Gełamašēn*—название провинции *Мазаз* области *Айрарат*;

*Gełaml*—деревня *Гарни*;

*Gelay lerink'*—(*Gel*-ские горы)—*Gełam*-ские горы;

*Gełak'unl*, *Gełark'unl* (более поздняя форма), или *gełam*, провинция *Gełam*—название нынешних районов *Камо* и *Мартуни* Арм. ССР (на западе и юго-западе Севанского озера), а также Севанское озеро, река, крепость, гора, поселок (ныне *Камо*), горный хребет<sup>45</sup> (все в районе *Камо*);

*Gełark'unl*—деревня в *Balk*—е;

все слова восходят к арм. аг «братъ»): *У. Արեղյան, Գուանական ժողովրդական տաղեր, Երևան, 1940, էջ 258, 300; У. Հարությունյան, Մահվան պատկերացումները հայկական անեծքներում (ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրաբեր հասարակական գիտություններ», 1985, № 12, էջ 59).*

<sup>42</sup> См. Т. В. Цивьян, Категория видимого/невидимого: балканские маргиналии и др. Согласно некоторым вариантам основного мифа, сын (обычно младший) громовержца наказывается богом из-за нарушения какого-то запрета (ср. мотив ницеста в культе Аттиса). Он гибнет, но потом возрождается. Ярким примером этого сюжета в армянской традиции является миф об Арташесе и Артавазде. Ср. также образ младшего Мгера в эпосе.

<sup>43</sup> M. Gimbutas The Lithuanian god Velinas („Myth in Indo-European Antiquity“. Berk, 1974, p. 88).

<sup>44</sup> Приводятся по следующим источникам: *У. Էփրեկյան, Պատկերազարդ-բնաշխարհիկ բանասիրտ, Վենետիկ, 1902—1907. Ա. Ասլանյան, Հ. Գրգեհարյան, Հայկական ՍՍՀ աշխարհագրական անունների համառոտ բանասիրտ, Երևան, 1981. Ս. Երեմյան, Հայաստանը բռն «Աշխարհացոյց»-ի, Երևան, 1963.*

<sup>45</sup> Другое название—*goli glux* «голова Гола», ср. русские теонимы *Велес*, *Волос* с разными огласовками корня.



горные вершины Azdahak (< иран. „дракон“), крепость Awjaberd („змеиная крепость“), река K'alatu („ручей каджей“), а у жителей Гехакуни одно воскресение было посвящено змеям<sup>48</sup>.

В урартских надписях одна из „стран“ западного берега Севанского озера (совр. район Камо Арм. ССР) называлась Uelikuni или Uelikuhl, от которой происходят арм. gelak'uni, gelark'uni<sup>49</sup> (груз. Gelakuni). Это показывает происхождение gelak'uni, а также косвенно и других близлежащих топонимов (gel, gelam и т. д.) от праформы uel-, которые могут быть сведены к индоевропейскому \*uel- (а некоторая часть их, возможно, к \*Huel- „волна“).

На Гехамских горах впервые были обнаружены интересные и загадочные памятники древней Армении—каменные вишапы<sup>50</sup>, которые впоследствии были найдены и в других местах, но с наибольшей концентрацией встречаются здесь. Название этих стелл-вишапов—„дракон“ (некоторые авторы—М. Абегян, Г. Капанцян и др.—оспаривают связь этих стелл с мифологическим вишапом-драконом) и наибольшая концентрация их и топонимов с корнем gel дают возможность проследить связь между статуями и мифологическим змеем и предположить, что они—атрибуты культа основного мифа.

Некоторые данные позволяют считать, что каменные вишапы когда-то назывались gel-ами (višar—заимствование из иранского языка). Так, они с наибольшей плотностью встречаются на горе Gel<sup>51</sup>, у истоков реки Азат. Вблизи одной группы вишапов находились крепость и монастырь Gel<sup>52</sup>. Согласно легенде, в озере Gili (находилось юго-восточнее Севанского озера, образование, видимо, с тюрк. суффиксом-ii) жил дракон<sup>53</sup>. В роднике около деревни Gelašen (в Сасуне), также, по легенде, купался змей<sup>54</sup>. В картвельских языках есть можно сравнить с арм. arg-el и т. п. (< \*ark- ), „преграда“, ср. имя демона Вритос с тем же значением. Отца Торка звали Pask'am, а одного из соперников Арама и громовержца Вахагна—Баршам (< семит. Баал-шамем). Таким образом, в армянском выявляется ряд имен, связанных с основным мифом и кончающихся на -am (ср. русск. Добрыня, Горыня, Волосыня и др.).

<sup>48</sup> В. Ушанский, *Հին Հայաստանի կուլտուրան*, т. 1, Ереван, 1931, էջ 199.

<sup>49</sup> Г. Капанцян, Историко-лингвистические работы, т. II, с. 80—83.

<sup>50</sup> О вишапах см.: Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов, Вишапы («Труды Государственной Академии истории материальной культуры», т. 1, Л., 1931); Б. Б. Пиотровский, Вишапы, каменные статуи в горах Армении, Л., 1939; В. Արեղյան, Վիշապները կոչված քարակոթողները բրդե Առաղել-Դերեկտո գետին արձաններ, Երևան, 1941; Г. Капанцян, О каменных стеллах в горах Армении, Ереван, 1925; Б. Аракелян и Н. Арутюнян, Урартская клинообразная надпись из Гарни (ԳՐՀ, 1966, № 2, с. 290 и сл.); Լ. Բարսեղյան, Գեղամա լեռների վիշապները (ԳՐՀ, 1967, № 4, էջ 181); Ա. Մանգուկյան, Վիշապ քարակոթողները և վիշապամարտի դրամաները յան յանին (ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիր», 1932, № 3, էջ 73); его же, Հայկական դրամագիտություն, Երևան, 1956, էջ 546 (где вишапы связываются с драконоборческим мифом) и т. д.

<sup>51</sup> Ա. Երեմյան, указ. соч., с. 31.

<sup>52</sup> «Հայկական սովետական հանրագիտարան», т. 4, Երևան, 1978, էջ 325.

<sup>53</sup> Վ. Անանյան, Սևանի ափին, Երևան, 1952, էջ 17—18.

<sup>54</sup> Ա. Ղանալյան, указ. соч., с. 111.

корень \*gweI—„змея“<sup>55</sup> (груз. gwel-, мегр. gwer-, с которыми соединяют сван. wiž-), который должен быть заимствованием из протоармянского, когда индоевропейский \*u- был в промежуточном состоянии превращения в арм. g (\*u->\*ɣw?>\*gw->g)<sup>56</sup>. Кстати, можно связать с вишапом и мифологическим персонажем \*uel-также часто встречающиеся в Армении топонимы Гёзал-дара (тюрк. „красивое ущелье“, в Арм. ССР их—11, из них 5—в бассейне Севанского озера) или хотя бы часть их, которые должны быть переводом арм. gel+jor<sup>57</sup>. Многофункциональность корня \*gel- как топонимобразователя (этим корнем называются озеро, горы, горный хребет, ущелье, монастырь, деревня, крепость и т. д.) может объясняться также наличием каменных вишапов вблизи данных географических пунктов.

Название каменных стелл—вишап или \*get, их вид (часто в форме рыбы: во время грозы говорили „рыба заиграла“<sup>58</sup>), некоторые

<sup>55</sup> Г. А. Климов, Этимологический словарь картвельских языков, М., 1964, с. 61—62.

<sup>56</sup> В. А. Ойсен, the Armenian reflexes of Indo-European intervocalic -w- (*Միջնադարի հայերենի արտաբանական փոփոխություններ* (1982), *Երևան*, 1984, էջ 222—223).

В картвельских языках есть индоевропейизмы (например, \*ɣwel-, \*ɣwino-, а также груз. ɣwla = арм. gihl „можжевельник“), где начальному индоевропейскому \*u-соответствует картв. ɣw (ɣ иногда соответствует н. -е. ларингальному). См. Г. А. Климов, Дополнения к „этимологическому словарю картвельских языков“, II, („Этимология 1983“, М., 1985, с. 168, 174—176). Если эти корни заимствованы общекартвельским из протоармянского, то возможно, что переход \*u->ɣw-, может быть и \*u->gw- в армянском имел место ещё в доурартскую эпоху (дифференциация общекартвельского языка по глоттохроническим данным относится к началу II тысячелетия до н. э., а грузинско-занского—к VIII в. до н. э.). В этом случае урарт. Uellku-должно было быть отражением местного ɣwel- или gwel-. Кстати, О. Карагезян в урартской надписи на вишапе из Гарни читает gelaml, что соответствует древнему названию Гарни (*ՀԱՅԿԱՆԻ ԳԱՆԻ ԿԱՆՈՆԱԿԱՆ ԳԵԼԱՄԼԻ ԿԱՆՈՆԱԿԱՆ ԿԱՆՈՆԱԿԱՆ*, 1985, №1, с. 58—59). Вообще считается, что переход \*u->g в армянском произошел после первого упоминания страны Великуни (середина VIII в. до н. э.): Г. Джаукян, Сравнительная грамматика армянского языка, с. 64. Есть также некоторая вероятность того, что название страны Великуни вошло в урартский язык раньше, чем его первое упоминание в надписях (до перехода \*u->\*gw->g), а топоним Гелами—позже, во время захвата района, или арм. get- является переводом местного, близко звучащего uel-.

<sup>57</sup> С. Бархударян в своей статье также считает эти топонимы переводом с армянского, но связывает их с этнонимом uel (>gel) жителей страны Великуни: *Ս. Բարխուդրյան, Անիքոնի երկրը «Հայաստանի կոլոնիալիզմի պատմության հետազոտություններ», հ. 1, Երևան, 1985, էջ 153—204*. Вряд ли племя назвало бы своим этнонимом несколько топонимов в своем же ареале; Б. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965, с. 40.

<sup>58</sup> Ա. Ղափաճյան, указ. соч., с. 407, 409. Говорят также «Цовинар играет». Цовинар—женский грозовой персонаж, в реконструкции—жена громовержца, что делает вероятным предположение М. Абеяна о связи этих стелл (правильнее—некоторой части их) с богиней Астхик, возлюбленной Вахагна. Интересно заметить также возможную связь животных, изображенных на вишапах (рыба, баран, бык, два симметрично расположенных аиста) с последовательностью зодиакальных созвездий—Рыбы, Овен, Бык, Близнецы (возможно, символы персонажей основного мифа).

Հրաբեր 1—5

имеющиеся на них изображения (голова быка над имеющим вид трехчастного мирового дерева шкуры: бык—символ бога грозы у народов Передней Азии, армян, а также, видимо, у древних индоевропейцев<sup>59</sup>: стрелы—оружия бога грозы, рядом с головой быка, водные струи—дождь, идущий изо рта быка), их обычное расположение в горах, у истоков рек, искусственных оросительных каналов и у озер (после победы бога грозы берут начало воды и реки) показывают их связь с индоевропейским грозовым мифом. Разнообразие же вишапов можно объяснить тем, что они, вероятно, являются атрибутами культа разных божеств, а также, может быть, хронологически.

Как было сказано, в урартскую эпоху нынешний район Камо Арм. ССР назывался Ueliku-(-ni и -hi суффиксы). Г. Капанцян считает это название происходящим из этнонима *velik* или *velak* (но урартскому *k* соответствует арм. *k'*). По его мнению, этот этноним может быть родственным урарт. *ueli* „сбор, войско“<sup>60</sup>. Наибольшая концентрация топонимов с корнем *gel* и каменных вишапов в районе „страны“ Великуни дают возможность считать, что уже в середине VIII в. до н. э. на западном берегу Севанского озера жило племя, которое поклонялось божеству с индоевропейским названием \**uel-*, имело его культовые атрибуты—вишапы, и страна, в которой жило это племя и, видимо, само племя, назывались именем, образованным от этого же корня.

На территории Армянского нагорья и соседних стран, кроме армян, в разное время жили народы, говорящие на анатолийских, индо-иранских, фрако-фригийских диалектах индоевропейских языков. В анатолийских языках имени божества с корнем \**uel-* не сохранилось, в индоиранских \**-e-* давно уже было превращено в *-a-*, отражением

<sup>59</sup> В. В. Иванов, Бык («Мифы...», т. 1, с. 203).

<sup>60</sup> Г. Капанцян, Историко-лингвистические работы, т. II, с. 82. Но наличие многочисленных индоевропейских этнонимов и топонимов от корня \**uel-* делает вероятным связь армянских и урартских форм с индоевропейским корнем. В этнонимах (и топонимах) этот корень выступает также в виде \**uel-k-* «часто с дальнейшим расширением *-u-*»: В. В. Иванов, В. Н. Топоров, К вопросу о происхождении этнонима «валахи» («Этническая история восточных романцев», М., 1979, с. 77). Таким образом, Ueliku—фонетически должно было звучать *ueläku*, что объясняет и армянскую форму *gelak'* (-*uni* суффикс). Ср. также название страны и племени *Erlkuañi* (в районе горы Арарат), связанное, вероятно, с корнем \**reg-* (\**reg-k-* и ср. лит. Перкунас, большие горы часто связывались с именем бога грозы). Случайным представляется сходство Великуни с именем каменного чудовища *Ullikumtli*, противника бога грозы в хурритской мифологии, которое осмысливается как „разрушитель святыни (города Кумми)“; В. В. Иванов, К этимологии некоторых миграционных культурных терминов. („Этимология 1980“, М., 1982, с. 158—159), хотя хурритское *ull-* может быть каким-то образом связано с и. -е. \**uel-*. Кстати, урарт. *ueli-*, с которым некоторые исследователи сравнивают арм. *giwł* (*geawł*, *gewł*) „деревня“, видимо, также является индоевропеизмом. Понятие общины в его социально-экономическом аспекте также передавалось корнем \**uel-*; В. В. Иванов, В. Н. Топоров, К вопросу о происхождении этнонима „валахи“, с. 64, Исследования..., с. 74.

фракийского слова от корня \*uel-могут быть румын. *balaur* „дракон, чудовище“, алб. *bollë* „большая змея“, гергский *bullar* „уж“<sup>61</sup>.

В армянском средневековом словаре Еремии Мегрийского сохранилось слово, которое может в некоторой степени пролить свет на вопрос о языковой принадлежности жителей Великуни. *Gełni*, то же *gełnik* или *głni*—„армянин“<sup>62</sup>. Одним из возможных осмыслений этого этнонима может быть *geł* (теоним) + *ni* (этнонимообразующий суффикс) в значении „житель страны божества *geł*“, „человек племени божества *geł*“ и т. п. (ср. также слова христианин, магометанин в значении этнонимов). Таким же образом можно объяснить название армянской области *Siwnik'* (*k'*—формант множ. числа). *Šlu-(ni)* (*š* фонетически *s*) по-хеттски означал „бог“, ср. *sluatt* „день“, resp. „бог солнца“, лувийск. *Tiuat-*, палайск. *Tilat-*—„бог солнца“ (<\**diu-* „бог солнечного дня“). Одна из провинций области Сюник называлась *Agewik'* (ныне район Мегри Арм. ССР) от *agew* „солнце“. Есть также деревня *Agewis* в Сисиане (провинция Сюник области Сюник). В урартской надписи, найденной близ деревни Аревис, в неясном контексте упоминается бог солнца (идеограмма <sup>4</sup>UTU)<sup>63</sup>. В одной из надписей Русы I „на другой стороне“ Севанского озера среди прочих упоминается „страна“ *Piğualni*<sup>64</sup> (*Piğua*-ская). *Piğua*-был хеттским богом (ср. русск. Перунъ и т. п.), ср. название трех древнеармянских провинций—*Varaznunik'* (= *Vahagnunik* от теонима *Vahagn*). Древнеармянская область Арцах—Карабах (где, возможно, находилась страна Пир-

<sup>61</sup> И. А. Калужская, Проблема автохтонных элементов румынского языка («Славянское и балканское языкознание», М., 1977, с. 134). В анатолийском с корнем \*uel—гипотетически связывают собственное имя *Ualis*—(Исследования..., с. 135).

<sup>62</sup> 2. Ա ճ ա ղ ն ի, շ ա ղ ի ի ն ի ա ղ ի ա ղ ի ն ի, բ ա ղ ի ա ղ ի ն ի, հ. 1, էջ 536, «Բաղնիքի հայոց», Երևան, 1975, էջ 34, 67. О связи индоевропейских этнонимов от корня \*uel—со значениями «луг», «пастбище», «царство смерти», «бог царства смерти» и т. д. см.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров, К вопросу о происхождении этнонима «валаш». *Gełni* мог быть этнонимом жителей *ueliku*. С. Петросян (*Ս. Պետրոսյան*, указ. соч.) считает, что, так как Гехам, эпоним жителей Гехаркуни, является потомком Гайка (эпонима армян) и название присеванского союза племен *U(e)duṛi Etluhi* можно связать с фрак. *Вззз* „вода“ (сравнение С. Еремяна), то это племя должно иметь древнефракийское происхождение. Впоследствии этноним мог стать этнографическим названием армян этого района. Корень этнонима *gełni* он связывает с тсхар. *A wai* „король“ (как название царского племени). Кстати, сходные этнонимы были на юго-востоке Каспийского озера—*gełap* (Гилан), в Кавказской Албании—*gełauk*. О племенах Атропатены и Албании см.: З. Ямпольский, К вопросу об однородности древнейшего населения Атропатены и Албании («Труды института истории и философии», Баку, 1954, с. 104—105); *Ս. Պետրոսյան, Հին Միջագետքի մարտերը և բերրի էրկիշիկի մարտը Ջալի (ԳՐՀ, 1979, №1, էջ 189—203)*.

<sup>63</sup> Н. В. Арутюнян, Новая урартская надпись из Сисиана («Древний Восток», 4, Ереван, 1983, с. 214).

<sup>64</sup> Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960, с. 329, *Piğua*—в хеттском означает также «скала». Перечисленные страны находились «в горах высоких».

ваини) называлась также Малый Сюник (и в Сюнике, и в Аршахе говорят на карабахском диалекте армянского языка.) Как видно, анатолийская этимология и этого топонима вполне приемлема. Г. Алишан заметил связь названий Siwnik', Sewan (раньше—название острова, а ныне—озера) и Sewordik (сыновья sew -а, этнографическая группа в провинции Гардман)<sup>65</sup>. Область Сюник по-персидски и по-армянски называлась также Sisakan (согласно Хоренаци—от имени сына Гехамы—Сисака). Очевидно, что в синонимических парах имен siwni/sisak и gełni/hay первый член может восходить к имени божества. Сказанное может объяснить и по-новому интерпретировать ряд языковых и исторических фактов, например, хотя бы часть анатоллизмов армянского языка, тождество диалектов Сюника, Карабаха, а также Казаха<sup>6</sup> и др., исключительная самостоятельность княжеского рода Сюника<sup>6</sup> и т. д. Таким образом, можно полагать, что в древнейшем населении Сюника был индоевропейский анатолийский слой<sup>67</sup>. Имя анатолийского бога siu—было перенято и урартами<sup>68</sup> (урарт. šiuiñl „бог солнца“), в силу сказанного выше, возможно, из языка древних жителей Сюника<sup>69</sup>. Г. Капанцян название Сюникской провинции 'Vayoc' joğ

<sup>65</sup> Դ. Ալիշան, Միջին Հայաստան, 1893, էջ 6.

<sup>66</sup> Н. А. Донц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, с. 421—423. Г. Капанцян вторую часть названия Карабах (тюрк. «черный сад») считает происходящим от сюникского этнонима ba], который, в свою очередь связывает с названием палатцев, см. его: Хайаса—колыбель армян («Историко-лингвистические работы», т. I, с. 129, 251). Надо заметить, что в карабахском диалекте звонкие смычные, наоборот, оглушаются. См. также: И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, с. 198. Кстати, первая часть топонима Карабах может быть переводом народного осмысления названия Сюник (от арм. <иран. sew «черный»).

<sup>67</sup> На анатолийском материале можно объяснить и название Велику, ср. хетт. ʷelku «травя»: В. В. Иванов, В. Н. Топоров, К вопросу о происхождении этнонима «валыхи», с. 67 (что, правда, не доказывает анатолийское происхождение её жителей). Вообще в топонимах Сюника можно найти следы индоевропейского (не армянского) языка. Несмотря на это, многие гидронимы Сюника легко объяснимы на армянской почве, притом они обнаруживают явные связи с именами персонажей основного мифа. Ogotan—главная река Сюника. от арм. ogot «гром», ее притоки gełi, ср. арм. \*geł «змея, вишп», Herher (как многочисленные подобные топонимы, называется также Gağar, ср. звукоподражательное название божества грома и дождя Gağə baba «отец Гэргэр» в армянском фольклоре: Դ. Արհղյան, Երկրի, հ. է, էջ 78); ср. малоазийские топонимы типа Партар и \*рег- «бог грозы» Darb (если связано с арм. darbin «кузнец», то ср. связь божественного кузнеца с громовержцем в разных традициях) и т. д. Сюник, даже не включая Гехакуни, является одним из центров, где наиболее часто встречаются топонимы от корней geł и angel.

<sup>68</sup> Можно полагать, что имя заимствовано из дописьменного хеттского: Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, указ. соч., с. 897. Некоторые авторы не считают это имя заимствованием: М. А. Хачикян, Хурритский и урартский языки, Ереван, 1985, с. 50. Г. Б. Джаукян сравнивает урарт. šiuiñl с п.-е. \*suep- «солнце» («Урартский и индоевропейский языки», Ереван, 1963, с. 40).

<sup>69</sup> И. М. Дьяконов считает, что это имя заимствовано из какого-то анатолийского языка хеттской группы, но не из хеттского: И. М. Дьяконов, О прародине носителей индоевропейских диалектов, I, («Вестник древней истории», 1982, № 3, с. 27).

(„ущелье вай-ев“) связывает с урарт. *bīa* „урартец“<sup>70</sup> (правда, только из-за звукового сходства), так что теоретически нельзя исключить и возможность урартского влияния на ономастику Сюника.

В любом случае существование индоевропейских племен в бассейне Севанского озера в доурартскую эпоху можно считать несомненным.

В захоронениях Лчашена (присеванская, соседняя с Великуни область) в гробнице № 123 (начало II тысячелетия) был найден расчлененный скелет человека (руки и ноги, расчлененные на две части, сложены на тело, а сверху—череп). Рядом находились скелеты быка, козы и двух овец. Культура этой эпохи отличается от предыдущей. Такие захоронения есть и в других странах, например, в Северной Индии<sup>71</sup>. Мотив расчленения персонажа с именем \*uel- (и некоторыми другими именами) продолжается в ритуале человеческого жертвоприношения, наиболее характерным примером которого является ведийская *пурушамедха*—«жертвоприношение человека»<sup>72</sup> (части тела жертвы соотносятся с частями вселенной, которые возникают из них, а четыре жертвенных животных—с четырьмя сторонами света).

В средние века Гехакуни был 4-ой провинцией области Сюник. Отсюда можно предположить языковое родство жителей Сюника и Гехакуни (анатолийцы?). Первая часть названия присеванского племенного объединения *U(e)duri Etluhl*, которую, как было сказано, некоторые исследователи связывают с и.-е. \*ued- „вода“ (ср. хетт. *uatar-*, греч. *ὕδωρ* „вода“, арм. *get* „река“) напоминает топонимы *Varденис* (река, гора, горный хребет, все называются также *Гёзалдара*) на юге Севанского озера, а корень *vard-* в армянских топонимах *Г. Капанцян* сравнивает с хетт. *uatar-*<sup>73</sup> (с обычной метатезой).

Но племя с божеством \*uel- могло быть также другого происхождения.

<sup>70</sup> Г. Капанцян, Историко-лингвистические работы, т. II, с. 128—130.

<sup>71</sup> З. Մանգաշյան, *Լճաշենի մշակույթի զարգացման հիմնական էտապները*, (ԳՐՀ, 1965, № 2, էջ 100).

<sup>72</sup> В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Индоевропейская мифология («Мифы...», т. I, с. 532); Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, указ. соч., с. 483.

<sup>73</sup> Г. Капанцян, Историко-лингвистические работы, т. I, с. 337. Вторая часть названия водного праздника *vardavar*, вопреки Капанцяну, должна быть связана с хетт. *var*—«гореть» (> арм. *var*). В типологически близких праздниках (слав. Купала, иран. новруз, хетт. *пурулия*) «мужские и женские начала... воплощены в символы огня и воды»: В. Н. Топоров, Праздник («Мифы...», т. II, с. 331). Ср. связь Купалы с купанием и купало «костер», см. Исследования..., с. 224. Во время *вардава* (конец июля—начало августа, а новый год—II-го августа) в некоторых районах Армении сохранились ритуалы, связанные с огнем: см. Վ. Բախչյան, указ. соч., с. 195. Сказанное подтверждает связь хотя бы части топонимов от корня *vard-* с хетт. *uatar-*. Таким образом, в топонимах Велику *Гёзалдара* (resp. *get + jog*). *Варденис* (может быть, и *Уедурн. Этиухн*), возможно, параллельно встречаются корни \*uel- и \*ued-, пригом в первом из них \*u- превращается в *g* (армянское развитие), а во втором—нет (анатолизм).

От названия „царского города“ страны Велику сохранилась только последняя часть —(l) r̥iupi. В окрестностях селения Норадуз района Камо Арм. ССР есть холм Heri dar (возвышенность Эра). Существование в протоармянском языке теонима Her (<\*рег-, ср. русск. Перун и под.) будет рассмотрено отдельно<sup>74</sup>, и жители страны Велику могли быть армянского происхождения<sup>75</sup>.

Таким образом, на основании данных сравнительной мифологии, армянского языка и топонимов Армении в армянском языке восстанавливается имя армянского (индоевропейского) божества \*gel. Некоторые другие мифологические имена—Angeḷ, Gelani, ɛngʰay также связываются с этим корнем. Этим мы подходим к восстановлению исконно армянского пантеона божества (сохранившийся в армянских и других источниках древнеармянский пантеон, главным образом, иранского происхождения).

Հնդեվրոպական \*-(g)el-ԱՐՄԵՆԻ ԱՐՏԱՅՈՒՈՒՄԸ  
ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԱՌԱՄՊԵԼԱՐԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

ԱՐՄԵՆ. ՊԵՏՐՈՍՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Հստ Վ. Իվանովի և Վ. Տոպորովի վերականգնած հին հնդեվրոպական ամպրոպային առասպելի, ամպրոպի աստվածը հետապնդում և իր գեներով՝ կայծակով, զարկում-սպանում է վիշապին: Վիշապի պարտությունից հետո շուր է հորդում: Վիշապի անունը կազմվում է \*yel- արմատով:

Հայաստանում դեղ- արմատով տեղանունները կենտրոնացված են Գեղամա լեռներում և Գեղաքունի (Գեղարքունի) գավառում: Ուրարտական շրջանում այս գավառը կոչվում էր Uelikuni/hi: Գեղամա լեռներում են ամենամեծ խրտուխյամբ կենտրոնացած նաև վիշապ քարակոթողները: Որոշ հանգամանքներ թույլ են տալիս եզրակացնելու, որ քարակոթողները հայերեն կոչվել են գեղ (վիշապը իրանական փոխառություն է): Հետևաբար, «երկրի» բնակչությունը հնդեվրոպական էր: Հայերեն դեղնի- «հայ» բառը կարելի է ստուգաբանել որպես Գեղ աստծուն պաշտող ժողովուրդ: Նույն կերպ կարելի է մեկնաբանել հայկական Սիւնի-ք (Սիսական) նահանգի անունը: Տիւ-նի խեթերեն նշանակում է աստված (<\*diu- հնդեվրոպական լուսավոր երկնքի աստծու անունից):

74 Ա. Պետրոսյան, Հայերենում հնդեվրոպական \*рег- աստվածության վերականգնման փորձ (աշխատանքի բնակչության հասարակական կենցաղի և հոգևոր մշակույթի պրոբլեմների ուսումնասիրությանը նվիրված կոնֆերանս, զեկուցումների թեզիսներ, Երևան, 1985, էջ 40—42): У фракийцев был бог \*Нрѡз, имя которого, возможно, связано с \*рег- через посредство „фригийско-армянских диалектов“: В. Н. Топорков, К древним балканским связям в области языка и мифологии („Балканский лингвистический сборник“, М., 1977, с. 57); Я. А. Гиндин, Древнейшая ономастика восточных Балкан, София, 1983, с. 81 и сл. Название одного из центров культа бога грозы в Урарту—Эридна (Ирдиа) можно интерпретировать как Her + di( ср. арм. di(k') „бог“ ) + iā( и. -е. суффикс), ср. подобное осмысление теонима Aršibedini; Գ. Ջահուկյան, Հայկական շերտեր ուրարտական գիշարանում:

75 ՍՄ. Ա. Պետրոսյան, Նախահայերենի կրողների տեղանվան հարցի շուրջը «Երիտասարդ լեզվաբանների հանրապետական 4-րդ գիտական կոնֆերանս», զեկուցումների գրույթներ, Երևան, 1984, էջ 32—34), где урартское название стран Etlu-ni /hi( совпадает с центральной областью Армении—Айраратом) связывается с возможным прототипом самоназвания армян (hət'i(i)o-), которое в свою очередь должно восходить к и. -е. \*roti- „муж, повелитель, хозяин“: Ա. Պետրոսյան, Հայ ցեղանունը որպես հանրության հասարակական կառուցվածքի տերմին («Երիտասարդ լեզվաբանների հանրապետական 5-րդ գիտաժողովի նյութեր», զեկուցումների գրույթներ, Երևան, 1986, էջ 94—95):